



*Переправа, переправа! Берет левый, берет правый,
Снег шершавый, крошка чья.
Колу телная вода*

Александр Трифонович Твардовский

100 лет со дня рождения
100 лет со дня рождения

А.Т.Твардовский Поэма « Дом у дороги» (отрывок из 2 главы)

В тот самый час воскресным днем,
По праздничному делу,
В саду косил ты под окном
Траву с росой белой.

Трава была травы добрей –
Горошек, клевер дикий,
Густой метелкою пырей
И листья земляники.

И ты косил ее, сопя,
Кряхтя, вздыхая сладко.
И сам подслушивал себя,
Когда звенел лопаткой:

Коси, коса, пока роса,
Роса долой – и мы домой.

Таков завет и звук таков,
И по косе вдоль жала,
Смывая мелочь лепестков,
Роса ручьем бежала.

Покос высокий, как постель,
Ложился, взбитый пышно,
И непросохший сонный шмель
В покосе пел чуть слышно.

И с мягким махом тяжело.
Косье в руках скрипело.
И солнце жгло, и дело шло,
И все, казалось, пело:

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.





« Война и мир »

(отрывок из I тома, части 1, гл. xxv)

Когда князь Андрей вошел в кабинет, старый князь в стариковских очках и в своем белом халате, в котором он никого не принимал, кроме сына, сидел за столом и писал. Он оглянулся.

-- Едешь? -- И он опять стал писать.

-- Пришел проститься.

-- Целуй сюда, -- он показал щеку, -- спасибо, спасибо!

-- За что вы меня благодарите?

-- За то, что не просрочиваешь, за бабью юбку не держишься. Служба прежде всего.

Спасибо, спасибо! -- И он продолжал писать, так что брызги летели с трещавшего пера. --

Ежели нужно сказать что, говори. Эти два дела могу делать вместе, -- прибавил он.

-- О жене... Мне и так совестно, что я вам ее на руки оставляю...

-- Что врешь? Говори, что нужно.

-- Когда жене будет время родить, пошлите в Москву за акушером... Чтоб он тут был.

Старый князь остановился и, как бы не понимая, уставился строгими глазами на сына.

-- Я знаю, что никто помочь не может, коли натура не поможет, -- говорил князь Андрей, видимо смущенный. -- Я согласен, что и из миллиона случаев один бывает несчастный, но это ее и моя фантазия. Ей наговорили, она во сне видела, и она боится.

-- Гм... гм... -- проговорил про себя старый князь, продолжая дописывать. -- Сделаю.

Он расчеркнул подпись, вдруг быстро повернулся к сыну и засмеялся.

-- Плохо дело, а?

-- Что плохо, батюшка?

-- Жена! -- коротко и значительно сказал старый князь.

-- Я не понимаю, -- сказал князь Андрей.

-- Да нечего делать, дружок, -- сказал князь, -- они все такие, не разженишься. Ты не бойся; никому не скажу; а ты сам знаешь.

Он схватил его за руку своею костлявою маленькою кистью, потряс ее, взглянул прямо в лицо сына своими быстрыми глазами, которые, как казалось, насквозь видели человека, и опять засмеялся своим холодным смехом.

Сын вздохнул, признаваясь этим вздохом в том, что отец понял его. Старик, продолжая складывать и печатать письма, с своею привычною быстротой, схватывал и бросал сургуч, печать и бумагу.

-- Что делать? Красива! Я все сделаю. Ты будь покоен, -- говорил он отрывисто во время печатания.

Андрей молчал: ему и приятно и неприятно было, что отец понял его. Старик встал и подал письмо сыну.

-- Слушай, -- сказал он, -- о жене не заботься: что возможно сделать, то будет сделано.

Теперь слушай: письмо Михайлу Иларионовичу отдай. Я пишу, чтоб он тебя в хорошие места употреблял и долго адъютантом не держал: скверная должность! Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да напиши, как он тебя примет. Коли хорош будет, служи. Николая Андреича Болконского сын из милости служить ни у кого не будет. Ну, теперь поди сюда.

Он говорил такую скороговоркой, что не доканчивал половины слов, но сын привык понимать его. Он подвел сына к бюро, откинул крышку, выдвинул ящик и вынул исписанную



его крупным, длинным и сжатым почерком тетрадь.

-- Должно быть, мне прежде тебя умереть. Знай, тут мои записки, их государю передать после моей смерти. Теперь здесь -- вот ломбардный билет и письмо: это премия тому, кто напишет историю суворовских войн. Переслать в академию. Здесь мои ремарки, после меня читай для себя, найдешь пользу.

Андрей не сказал отцу, что, верно, он проживет еще долго. Он понимал, что этого говорить не нужно.

-- Все исполню, батюшка, -- сказал он.

-- Ну, теперь прощай! -- Он дал поцеловать сыну свою руку и обнял его. -- Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне старику больно будет... -- Он неожиданно замолчал и вдруг крикливым голосом продолжал: -- а коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно! -- взвизгнул он.

-- Этого вы могли бы не говорить мне, батюшка, -- улыбаясь, сказал сын.

Старик замолчал.

-- Еще я хотел просить вас, -- продолжал князь Андрей, -- ежели меня убьют и ежели у меня будет сын, не отпускайте его от себя, как я вам вчера говорил, чтоб он вырос у вас... пожалуйста.

-- Жене не отдавать? -- сказал старик и засмеялся.

Они молча стояли друг против друга. Быстрые глаза старика прямо были устремлены в глаза сына. Что-то дрогнуло в нижней части лица старого князя.

-- Простились... ступай! -- вдруг сказал он. -- Ступай! -- закричал он сердитым и громким голосом, отворяя дверь кабинета.

-- Что такое, что? -- спрашивали княгиня и княжна, увидев князя Андрея и на минуту высунувшуюся фигуру кричавшего сердитым голосом старика в белом халате, без парика и в стариковских очках.

Князь Андрей вздохнул и ничего не ответил.

-- Ну, -- сказал он, обратившись к жене.

И это "ну" звучало холодной насмешкой, как будто он говорил: "теперь проделывайте вы ваши штуки".

-- Andre, deja!¹ -- сказала маленькая княгиня, бледнея и со страхом глядя на мужа.

Он обнял ее. Она вскрикнула и без чувств упала на его плечо.

Он осторожно отвел плечо, на котором она лежала, заглянул в ее лицо и бережно посадил ее на кресло.

-- Adieu, Marieie,² -- сказал он тихо сестре, поцеловался с нею рука в руку и скорыми шагами вышел из комнаты.

Княгиня лежала в кресле, m-lle Бурьен терла ей виски. Княжна Марья, поддерживая невестку, с заплаканными прекрасными глазами, все еще смотрела в дверь, в которую вышел князь Андрей, и крестила его. Из кабинета слышны были, как выстрелы, часто повторяемые сердитые звуки стариковского сморкания. Только-что князь Андрей вышел, дверь кабинета быстро отворилась и выглянула строгая фигура старика в белом халате.

-- Уехал? Ну и хорошо! -- сказал он, сердито посмотрев на бесчувственную маленькую княгиню, укоризненно покачал головою и захлопнул дверь.



¹ Андрей, что, уже?

² Прощай, Маша.